

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
В РУССКОМ «НАРОДНОМ» РОМАНЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО И М. ГОРЬКОГО)

Кайпбергенова Орынбаскан Жанабаевна
ассистент-преподаватель Университета Мамуна
Email: olyakaypbergenova@gmail.com

Аннотация. В статье проводится сравнительно-типологический анализ художественной рецепции социальной несправедливости в русской литературе переходного периода. На материале романа Л.Н. Толстого «Воскресение» и романа М. Горького «Мать», а также в контексте народнической традиции, исследуются модели взаимодействия личности и отчужденного социума. Особое внимание уделяется трансформации мотива «покаяния дворянства» в мотив «пробуждения масс». Доказывается, что если в этико-религиозной концепции Толстого преодоление несправедливости мыслится через внутреннее воскресение и отказ от суда человеческого в пользу Божьего, то в социально-политической модели Горького поиск правды сопряжен с активным переустройством мира и сакрализацией революционной борьбы.

Ключевые слова: социальная несправедливость, народный роман, Л.Н. Толстой, М. Горький, народничество, покаяние, правосудие, социальное дно, богостроительство.

Abstract. The article presents a comparative typological analysis of the artistic reception of social injustice in Russian literature of the transitional period. Based on L.N. Tolstoy's novel Resurrection and M. Gorky's novel Mother, and within the context of the Narodnik tradition, the models of interaction between the individual and alienated society are examined. Special attention is paid to the transformation of the "nobility's repentance" motif into the "awakening of the masses" motif. It is argued that while in Tolstoy's ethical-religious concept, overcoming injustice is conceived through internal resurrection and the rejection of human judgment in favor of Divine judgment, in Gorky's socio-political model, the search for truth is associated with the active reconstruction of the world and the sacralization of the revolutionary struggle.

Keywords: social injustice, folk novel, L.N. Tolstoy, M. Gorky, Narodism, repentance, justice, social bottom, God-building.

Рубеж XIX–XX веков в русской литературе характеризуется острым ощущением кризиса традиционных социальных укладов и поиском новых форм художественного осмысливания действительности. Центральной проблемой этого периода становится проблема социальной несправедливости, которая перерастает из вопроса экономического неравенства в вопрос онтологический: как возможно существование правды (Истины) в мире, пронизанном страданием угнетенного большинства. Жанр романа, чутко реагирующий на социальные сдвиги, претерпевает изменения, вбирая в себя черты публицистики, проповеди и агиографии, формируя особый тип «народного» романа, где главным героем становится не столько личность, сколько сама народная масса или идея о ней [1].

Целью данного исследования является анализ художественных механизмов, с помощью которых Л.Н. Толстой и М. Горький репрезентуют феномен социальной несправедливости, а также выявление эволюции способов разрешения социального конфликта: от этического покаяния к революционному действию.

Методологическую базу работы составляет сочетание историко-литературного подхода с элементами аксиологического (ценностного) и социологического анализа. Мы опираемся на теорию диалогизма М.М. Бахтина, позволяющую рассматривать поиск правды героями как диалог идеологических позиций [2], а также на труды исследователей русского реализма (В.А. Келдыш, А.П. Скафтымов), рассматривающих литературу этого периода как пространство напряженного нравственного искания. Важным методологическим принципом является сопоставление категорий «земного права» и «высшей правды», характерных для русского правосознания [3].

Прежде чем обратиться к анализу ключевых текстов, необходимо обозначить контекст, заданный литературой народничества (Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский). Для писателей-народников социальная несправедливость была не просто пороком системы, но личной виной интеллигенции перед народом. В их творчестве сформировался концепт «неоплатного долга», который требовал от героя-дворянина или разночинца жертвенного служения мужику. Однако в народнической прозе народ часто представлял как пассивный объект сострадания, хранитель архаичной правды, которую нужно лишь сберечь от натиска капитализма [4].

Л.Н. Толстой и М. Горький, отталкиваясь от этой традиции, радикально переосмысливают её. Если народники эстетизировали страдание, то Толстой и Горький показывают его как неприемлемое состояние, требующее немедленного разрешения — духовного или политического.

В романе «Воскресение» (1899) Л.Н. Толстой доводит тему социальной несправедливости до предельной остроты. Сюжетная завязка — суд над Катюшой Масловой — становится поводом для тотальной ревизии всех государственных институтов. Толстой использует прием «остранения» (по В.Б. Шкловскому), чтобы показать абсурдность и антигуманность узаконенного насилия.

Для Толстого социальная несправедливость коренится не в плохих законах, а в самом факте существования суда человеческого, который подменяет собой суд Божий. Князь Нехлюдов, представитель привилегированного класса, проходит путь от осознания своей частной вины перед конкретной девушкой к осознанию своей вины перед всем народом. Здесь Толстой развивает мотив «покаяния дворянства», но лишает его народнической идеализации. Нехлюдов видит, что народ (арестанты, крестьяне) развращен той же системой, что и господа, только находится на другом полюсе страдания [7].

Анализ сцен в тюрьме и на этапе показывает, что «социальное дно» у Толстого изображено с натуралистической беспощадностью. Однако, как отмечают исследователи, Толстой не принимает социалистического пути исправления зла. Его рецепция несправедливости носит этико-религиозный характер. Противоречие между законом (формальным правом) и благодатью (любовью) решается в пользу последней. Несправедливость мира, по Толстому, преодолевается не революцией, а личным нравственным усилием, отказом от участия во зле. «Царство Божие внутри вас есть» — этот тезис становится ответом на социальный тупик. Однако финал романа остается открытым: социальная структура не меняется, меняется лишь оптика героя [5].

Роман М. Горького «Мать» (1906) представляет собой следующий этап в осмыслиении социальной несправедливости. Если у Толстого вектор движения направлен «вверх» (к Богу и совести), то у Горького — «вперед» (в будущее, к социализму). Горький полемизирует с толстовской идеей непротивления. Для него социальная несправедливость — это не следствие греховной природы человека, а результат классового угнетения, которое должно быть уничтожено силой.

Образ Ниловны демонстрирует трансформацию народного сознания. Изначально она — забитая, бессловесная жертва, воплощение векового терпения (архетип, любимый народниками). Однако через сына Павла она приобщается к новой «вере». Исследователи справедливо указывают на явные евангельские аллюзии в романе, трактуемые в ключе «богостроительства» [6]. Социализм для героев Горького становится новой религией, где место Христа занимает коллективный разум и воля народа, а жертва революционеров уподобляется искупительной жертве.

В «Матери» социальная несправедливость преодолевается через обретение голоса. Сцена суда над Павлом Власовым зеркальна суду над Катюшой Масловой. Если у Толстого суд — это фарс, демонстрирующий слепоту судей, то у Горького суд — это трибуна. Павел использует скамью подсудимых не для защиты, а для обвинения строя. Здесь мы видим коренной сдвиг: народ перестает быть объектом жалости (как в народничестве) или объектом спасения (как у Толстого), он становится субъектом истории. «Социальное дно» (рабочая слободка) превращается из места гибели в место рождения новой силы [4].

Сопоставительный анализ позволяет выделить две принципиально разные модели художественной рецепции социальной несправедливости.

1. Модель «Покаяние и уход» (Толстой).

- Источник несправедливости: Отход цивилизации от естественных законов и Божественной истины.
- Роль героя: Кающийся дворянин, ищущий личного спасения через служение, но осознающий пропасть между собой и народом.
- Правосудие: Земной суд отрицается как инструмент насилия. Истинный суд — совесть и Евангелие.
- Результат: Преодоление мирового зла через личное духовное преображение героя, а не через изменение внешнего социального устройства.

2. Модель «Пробуждение и борьба» (Горький).

- Источник несправедливости: Экономическая эксплуатация, классовая структура общества.
- Роль героя: Пролетарий (или примкнувший к нему), преодолевающий страх и становящийся «новым человеком».
- Правосудие: Буржуазный суд — инструмент подавления, ему противопоставляется «пролетарская правда» и суд истории.
- Результат: Консолидация массы, превращение толпы в народ-богоносца (в революционном смысле), эсхатологическое ожидание скорой смены миропорядка.

Важно отметить, что оба писателя используют схожий прием — изображение страданий «униженных и оскорбленных» (термин Ф.М. Достоевского) как единственный критерий истины. Истина там, где страдание. Но Толстой видит в страдании искупление и призыв к милосердию, а Горький — топливо для гнева и переустройства мира [3].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В русском «народном» романе рубежа веков тема социальной несправедливости является системообразующей. Она диктует выбор сюжетных коллизий (суд, тюрьма, каторга) и систему персонажей.

2. Народническая традиция «вины перед народом» трансформируется. У Толстого она углубляется до общечеловеческой вины перед Богом за нарушение закона любви. У Горького она снимается вовсе: интеллигенция (в лице таких персонажей, как Николай Иванович) и народ сливаются в едином порыве борьбы, где нет места патернализму.

3. Художественная рецепция права и закона в обоих случаях негативна. Литература берет на себя функцию альтернативного суда, вынося приговор существующей реальности. Земное правосудие объявляется ложью, а поиск Правды выводится в метафизический (Толстой) или социально-утопический (Горький) план.

4. Проблема «социального дна» решается по-разному: Толстой призывает спуститься на дно, чтобы разделить участь брата и просветить его любовью; Горький призывает дно подняться и разрушить иерархию верха и низа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература 1975 г.
- 2. Галаган Г.Я.** Л.Н. Толстой: Художественно-этические исследования. Ленинград: Наука 1981 г.
- 3. Есаулов И.А.** Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета 1995 г.
- 4. Келдыш В.А.** Русский реализм начала XX века. Москва: Наука. 1975 г.
- 5. Линков В.Я.** Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. Москва: Издательство МГУ 1989 г.
- 6. Спиридонова Л.А.** М. Горький: диалог с историей. Москва: Наследие. 1994 г.
- 7. Скафтымов А.П.** Нравственные исследования русских писателей. Москва: Художественная литература 1972 г.